

Макаревич, Андрей
(номинал - БГ) (с)

11.12.03.

Андрей МАКАРЕВИЧ, музыкант:

«Человек все-таки порядочная скотина»

Известия - 2003 - 11 дек. - с. 16

Сегодня исполняется 50 лет Андрею МАКАРЕВИЧУ — человеку, чьи интересы давно перестали ограничиваться группой «Машина времени» и включают в себя, кажется, все: от кулинии и написания книг до телепутешествий и рисования акварелью. Накануне важной даты корреспондент «Известий» Алексей МУНИПОВ обсудил с юбиляром проблему орденов, тонкости ловли сома и некоторые неприятные свойства человеческой натуры.

— Цифра 50 у вас какие чувства вызывает?

— Ничего приятного. Цифра 25 мне нравится гораздо больше.

— Праздновать будете с размахом?

— Зачем? День рождения — это все-таки праздник для близких друзей. Празднуем мы в «России», и только по той причине, что Первый канал предложил устроить отсюда прямую трансляцию. Это, конечно, накладывает большую ответственность, но зато очень удобно: я могу пригласить только тех, кого действительно хочу видеть, человек примерно триста — а остальные пусть смотрят телевизор.

— Но без официоза едва ли удастся обойтись.

— Да нет, какой там официоз. Мы же не на партийном заседании. Просто все сядут за столы, выпьют как люди и пообщаются друг с другом. И со мной.

— Орден-то дадут, как вы думаете?

— Наверяд ли. Во-первых, я не просил, во-вторых, орден у меня уже есть — я его получил в канун 30-летия группы, как и остальные артисты «Машины времени». Ой, я к этому всему отношусь с большой иронией.

— Вы ведь в своей книге «Сам овца» с явной симпатией вспоминаете Окуджаву, который перед 70-летием очень боялся...

— ...что ему вручат какой-нибудь орден насильно (смеется). Ну что ж, вручат — будет приятно, нет — не расстроюсь. Вот вручили орден БГ, сделали приятное человеку — и хорошо: он же действительно заслужил, чтобы государство ему сказало спасибо. Если государство — это мы, то есть несколько поколений людей, для которых его песни много значили и значат, то отчего бы нет?

— Что будет в «России»?

— Не хочу, не хочу рассказывать. Будет две части. Я придумал кое-что насчет первой, музыкальной, но она не будет дежурной — когда приходят артисты и поют твои песни. Это уже всем набило оскомину. Хотя без гостей на сцене, естественно, не обойдется. А потом телетрансляция закончится и начнется вторая часть, неформальная, поскольку наверняка найдутся люди, которые захотят меня поздравить без моего участия. Им будет дана полная свобода. Вот и все, что я могу сообщить.

— Вообще, вы кому из молодых доверили бы спеть свои песни?

— Да я не считаю, что песня — это мандат, который надо кому-то доверять. С того момента как она выпущена и записана на пластин-

ку, каждый имеет право ее спеть. Если он сделает это плохо, мне будет за него неловко. Но не за себя. А если он сделает это хорошо, я только порадуюсь.

— А есть какие-то песни из новых, которые вы сами не прочь исполнить?

— У меня была целая пластинка «Песни, которые я люблю», правда, довольно давно. Там разброс — от Галича до Вертинского. В компании, с друзьями, когда все выпили и хочется взяться за гитару, я ведь пою не свои песни. А в сторону, это к вопросу о новых, меня не тянет. Я ведь не Том Джонс, не обладаю какими-то сверхъестественными исполнительскими данными. Если и пою что-то чужое, то лишь потому, что это «что-то» очень мне близко, почти мое. Вот сейчас записал почти целый альбом песен Марка Фрейдкина («Тонкий шрам на любимой попе». — «Известия») и получил от этого огромный кайф.

— Вы как-то обмолвились о жизни как о нескончаемой цепи разочарований. Какие из них были самыми запоминающимися?

— О-ой! Этого-то... Их очень много, и самые яркие, кстати, я в своей книге упоминаю, так что сейчас... (долго молчит). Разочарования касаются в основном поведения людей: как бы мы человека ни идеализировали, он все-таки порядочная скотина. И все хотят денег больше, чем следовало бы, и все способны к предательству, и ко лжи, и ко всяким некрасивым поступкам (вздыхает). И когда ты встречаешь человека, который на это не способен, то это лишь исключение, очень редко опровергающее правило.

— Все-таки в жизни вы явно больший пессимист, чем в песнях.

— От того, что ты кое-что знаешь о жизни, ты не становишься пессимистом. Просто это помогает адекватно ориентироваться в происходящем. Ну что мне теперь повеситься? Ну люди вот такие. К сожалению. Хотя некоторые из них — иногда — способны на прекрасные поступки. И это очень дорогого стоит.

— И еще вы в личном общении сильно отличаетесь от своего экранного, например, образа.

— А что такое?

— Вы сейчас так сидите, так смотрите, как будто очень от жизни устали.

— Да я сейчас просто устал, не от жизни, а вообще. А от чего еще можно устать? От смерти? Я много работаю, действительно устаю. Каким мне еще быть? Мы едем в ма-

шине, с одной встречи на другую, времени немного, за окном (с от-вращением выглядит за окном) препоганейшая погода, грязь, туман этот чертов... Вот если бы вместо того чтобы рассуждать в магнитофончик на общие темы, мы бы сели и налили бы грамм по сто пятьдесят под хорошую селедочку, я бы уж, наверное, выглядел повеселее. Просто есть вещи, которые я люблю, а есть — которые нет. Я не люблю давать интервью. И никогда этого не скрывал.

— А зачем вы на себя столько взваливаете? У вас такое количество проектов, что от них уже, наверное, никакой радости.

— Очевидно, я не в силах отказаться. Мне становится настолько интересно, так хочется увидеть все свои задумки воплощенными, что я бы очень себя потом корил, если бы отказался хоть от одной из них. Это не суета, не мельтешение, напротив — из этого ведь жизнь и состоит! А что бы я делал вместо? На диване лежал? Ловил рыбу удочкой? Ну я люблю ловить рыбу удочкой и два раза в год нахожу для этого занятия время. Тем оно для меня ценнее.

— И наверняка за полгода знаете, на какие числа у вас эта рыбалка запланирована.

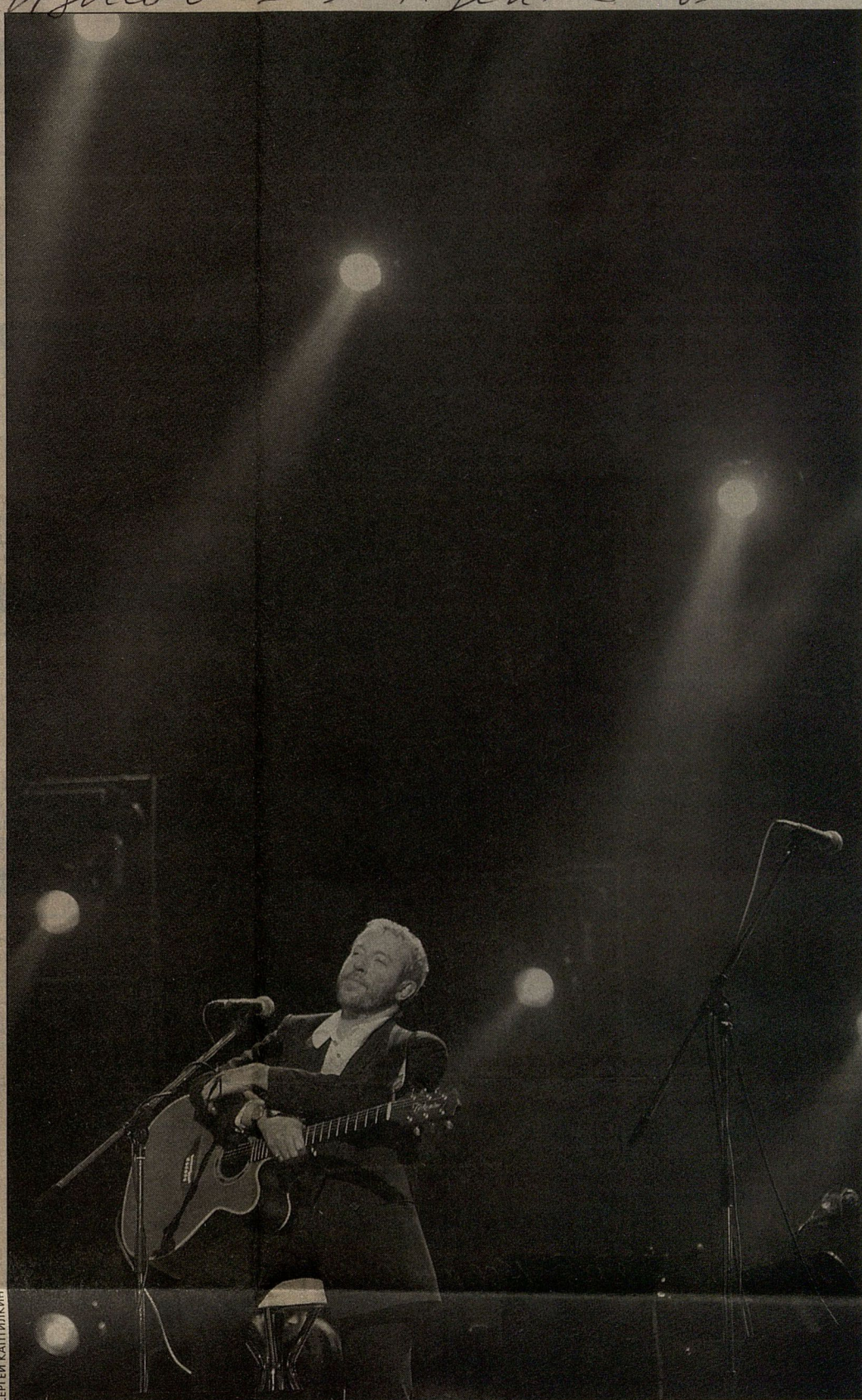
— Я совершенно точно знаю, что в первые две недели июня надо обязательно ехать охотиться на сома. Потому что именно в это время сом подходит к берегу (Андрей Вадимович очень похоже изображает сома), и тут-то его и надо брать! А для этого — заранее выделить хотя бы пару дней. Я вообще иногда завидую людям, которые работают на обычной работе: они всегда могут рассчитывать на то, что суббота и воскресенье — выходные. У меня в этом смысле никаких выходных нет, и очень обидно, когда вдруг выясняется, что завтра — совершенно пустой день. Что-то вдруг отменилось, высвободилось время, но с толком его провести уже не получится.

— И вас даже не радует эта неожиданная передышка?

— Чему радоваться, обидно же! Знал бы об этом за неделю, купил бы билет, полетел куда-нибудь. А так — что? Повалиться дома на тахте, кино посмотреть, разобрать книжную полку? Это, конечно, хорошо, но ведь недостаточно хорошо!

— Сейчас в Манеже проходит выставка «50 женщин Андрея Макаревича». Вы действительно, как написано в пресс-релизе, считаете себя прежде всего художником, который еще и музыкой занимается?

— В общем-то, да. Я все-таки получил очень хорошее образование — во-первых, от своего отца, который был блестящий график, а во-вторых, в архитектурном институте, где у нас были чудесные педагоги, прекрасно преподававшие композицию, рисунок, живопись и вообще все классические дисциплины.

СЕРГЕЙ КАПТИКИН

лины. Так что я аттестованный художник. А эта выставка — вообще очень серьезная штука, потому что у меня не было персональной выставки уже примерно четыре года, а в Манеже, главном зале страны, не было никогда. «50 женщин» — название, по-моему, смешное и достаточно условное: 50 — потому что 50 лет, женщин — потому что там в основном женские портреты (хотя и не только они), а вообще работ там около ста.

— Но если это занятие для вас не просто хобби, отчего вы не тратите на него больше времени?

— Потому что остальные занятия, которые я тоже люблю, мне этого не позволяют. Мне интересно и рисовать, и писать песни, и я не могу сказать, что больше. Если бы мог — отказался бы от того, что интересно меньше. Графика — это фиксация сиюминутного состояния в чистом виде. Когда делаешь

песню, все равно работаешь головой, поскольку имеешь дело со словом. А когда проводишь линию, голова отключается. Я становлюсь животным, сосредоточиваюсь только на ощущениях. И не знаю, что это будет, в какой технике: просто работаю антенной, которая улавливает из пространства сигналы и направляет на бумагу. Очень интимный процесс. Но о музыке я тоже не забываю. Не волнуйтесь.